

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ
1838

Мракий Андроников

ЛЕРМОНТОВ

Исследования
и наброски

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1964

Оформление художника

А. ЛЕПЯТСКОГО

ОТ АВТОРА

Могут спросить:

— Почему «исследования и находки»? Разве исследования не приводят к находкам, а находки не служат, в свою очередь, материалом для новых исследований?

Такой вопрос, в общем, будет вполне законным.

Дело, однако, в том, что в находке важно не только ее содержание, но и то, как она обнаружилась. Надобно сказать и о людях, которые вам помогли. И тут получается не просто исследование, а, скорее, репортаж или очерк в сочетании с исследованием. А это уже другое.

С каждым годом в нашей стране открываются неизвестные прежде возможности, способные оказывать влияние на технику исторического исследования. Если, скажем, вы ищете человека, у которого хранились когда-то ценные материалы, и не можете найти его в продолжение многих лет, обратитесь по телевидению к зрителям — и завтра вам будет известна или его судьба, или адрес. Посвятите в свои затруднения радиослушателей, и снова — результат не замедлит. В наше время в работе исследователя могут принять участие сотни и тысячи людей разных профессий, которые с величайшей охотой найдут для литературной науки те материалы, обнаружить которые не под силу не то что одному человеку, а, порою, и целому коллективу.

В этой книге рассказано, в частности, о том вкладе в наше лермонтоведение, которое в самое последнее время сделали читатели, телезрители, радиослушатели. Вы прочтете здесь о старом альбоме, подаренном медсестрой из города Серпухова,

о неизвестном лермонтовском рисунке, который был открыт в Москве после телевизионной передачи о Лермонтове, о неизвестных автографах поэта, сообщенных сотрудницей Ленинградского института физиологии. Но кроме того, и о мемуарах, найденных с помощью французского хирурга, о лермонтовских реликвиях, хранившихся у мюнхенского искусствоведа, о неизвестных лермонтовских стихах, уцелевших в средневековом замке в Баварии, об изображении, обнаруженном в Швеции.

Из этих находок последнего времени возникли работы «Утраченные записки», «Сокровища замка Хохберг», «Чудеса телевидения», «Пакет из Стокгольма», «Дар медсестры Немковой», «Неизвестная нам Мария», «Строки из писем 1841 года», «Лермонтов и его парт...». Заново написана глава о стихотворении «Бородино». Остальные печатались прежде в моих книгах «Лермонтов» («Советский писатель», 1951) и «Лермонтов в Грузии в 1837 году» («Советский писатель», 1955, «Заря Востока», 1958), но дополнены, пересмотрены, обновлены. Кроме последней, итоговой по характеру, решительно все главы построены на материалах, обнаруженных в продолжение ряда лет самим автором в архивах, музеях и библиотеках Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Киева, Баку, Пензы, Тамбова, Казани, Свердловска, Перми, Иванова, Горького, Саратова, Астрахани, Ставрополя, Пятигорска, Грозного, Нальчика, Орджоникидзе, Казбеги, Телави, Зугдиди...

«Когда роют клад,— писал Александр Блок,— прежде разбирают смысл ш и ф р а, который укажет место клада, потом «семь раз отмеривают» — и уже зато раз навсегда безошибочно «отрезают» кусок земли, в котором покоится клад. Лермонтовский клад стоит упорных трудов».

Советские ученые создали почву для исследования Лермонтова, «отмерили» ему место в истории литературы и, разгадывая зашифрованные страницы его жизни и творчества, продолжают «отрывать» лермонтовский клад.

Эта книга — попытка внести новое в наше представление об одном из величайших поэтов мира.

ЛЕРМОНТОВ И Н. Ф. И.

1

Аким Шан-Гирей, близкий родственник Лермонтова, в пансионскую и университетскую пору живший с ним под одной кровлей, мемуарист, казалось бы, добросовестный и доброжелательный, писал в своих воспоминаниях, что «все стихотворения Лермонтова, относящиеся ко времени его пребывания в Москве, только детские шалости», которые «ничего не объясняют и не выражают»¹.

Всецело приписывая влиянию Байрона трагический характер лермонтовской поэзии тех лет, Шан-Гирей был искренне убежден, что мрачные стихи Лермонтов сочинял, «чтобы казаться интереснее, так как байронизм и разочарование были в то время в сильном ходу», и что «никаких мрачных мучений, ни жертв, ни измен, ни ядов лобзанья в действительности не было»².

Это наивное и глубоко ложное суждение о юношеской лирике Лермонтова доказывает только, что даже такой близкий к нему человек, как Шан-Гирей, немного знал о его жизни и еще меньше понимал в его поэзии.

Составляя в 1860 году свои мемуары о Лермонтове, Шан-Гирей не сам, конечно, придумал пресловутую легенду о байронизме. Он лишь повторил то, что писалось о Лермонтове в те годы. «Надо сказать правду, — отмечал в 1861 году Некрасовский

¹ А. П. Шан-Гирей, М. Ю. Лермонтов. В книге: Е. С. Ушкова, Записки, стр. 363 и 364.

² Там же.

«Современник», — в наших критических статьях о Лермонтове гораздо более говорилось о байронизме и о Байроне, чем о нем». И, опровергая эту точку зрения, автор статьи, М. Л. Михайлов, решительно отказывался считать Лермонтова за «покорного подражателя Байрона, какого хотят во что бы то ни стало видеть в нем»¹.

Повторяя чужие слова о лермонтовском байронизме, Шан-Гирей не только не прояснял, а, наоборот, всячески затемнял конкретный смысл лермонтовских стихотворений. Мысль же о том, что Лермонтов, бывший старше его на четыре года, просто не хотел посвящать его в то время в свой внутренний мир, очевидно, даже не приходила ему в голову.

С добродушной иронией рассказывает Шан-Гирей случай, когда Лермонтов прочел ему «своего сочинения стансы «К***». «Меня ужасно интриговало, — пишет Шан-Гирей, — что значит слово с т а н с ы и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю»².

На самом деле многое он не понимал, а многого просто не помнил и, не располагая впоследствии фактами, объяснял непонятное для него самого происхождение лирических посвящений Лермонтова общими фразами о байронизме.

Шан-Гирей, как и многие его современники, ошибался. Он видел в стихотворениях Лермонтова лишь то, что хотел видеть. В свою очередь, его утверждения воспринимались критикой и читающей публикой уже как факт непреложный: «родственник пишет...». И мало-помалу байронизм был объявлен основным, определяющим признаком лермонтовской поэзии.

Отрицать воздействие Байрона на европейскую поэзию, в частности на поэзию русскую, нет никаких оснований. «Властителем дум» молодежи двадцатых — тридцатых годов прошлого века Байрон, конечно, был. И в России это засвидетельствовали и Пушкин, и Рылеев, и Кюхельбекер, да и сам Лермонтов:

И Байрона достигнуть я б хотел...

Дело не в отрицании явления, а в определении меры воздействия, ибо оно не лишило поэзию Лермонтова ни самородности, ни самобытности, не лишило своеобразия исторического, наци-

¹ «Современник», 1861, № 2, февраль, отд. II, стр. 318. Л. (Заметка о Лермонтове. По поводу нового издания его сочинений). В книге И. Ф. Масанова «Словарь псевдонимов» (т. I, М. 1941) на стр. 526 указано, что автором этой статьи был поэт М. Л. Михайлов.

² А. П. Ш а н - Г и р е й, М. Ю. Лермонтов. В книге: Е. С у ш к о в а, Записки, стр. 359.

онального, личного, — не лишило по той причине, что вся поэзия Лермонтова была порождением не литературы, а прежде всего жизни, что все стихи, в которых Шан-Гирей и многие из его современников хотели видеть только старательные литературные имитации, на самом деле были отражением реальных событий лермонтовской биографии, в которых принимали участие совершенно реальные люди. Но для того, чтобы это установить, потребовалось немало труда и времени.

2

Так среди юношеской лирики Лермонтова уже давно обращал на себя внимание ряд стихотворений 1830—1832 годов, объединенных темой любви и измены. Четыре стихотворения этого цикла озаглавлены инициалами какой-то Н. Ф. И.

Первое из этих стихотворений, обозначенное буквами «Н. Ф. И...вой», относится к 1830 году. «Любил с начала жизни я угрюмое уединенье», — признается Лермонтов вдохновительнице этого душевного обращения и делится с ней сомнениями, которые прежде бережно таил от других:

Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примиряла ты
С людьми и с буйными страстями...¹

Видно, что отношение Лермонтова к той, которая побудила его написать это стихотворение, было искренним и серьезным.

В стихотворении 1831 года «Романс к И.» молодой поэт снова обращается к этой же девушке, как к верному своему другу, который сумеет, по его мысли, защитить и оправдать его в глазах «бесчувственной» светской толпы:

Когда я унесу в чужбину,
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,

¹ Лермонтов, т. I, стр. 78.

И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?¹

Но уже из текста стихотворения, написанного летом 1831 года и адресованного Лермонтовым «К Н. И.», видно, что в их отношениях наступил трагический перелом. Новое посвящение начинается с горестного упрека:

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.

Уязвленный изменой любимой девушки, Лермонтов вспоминает в этом стихотворении о прежнем:

В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!²

О прощальном поцелуе снова говорится в стихотворении с утаенным обращением «К»:

Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья,—
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье³.

¹ Лермонтов, т. I, стр. 187.

² Там же, стр. 209—210.

³ Там же, стр. 190.

Речь здесь идет все о том же роковом разрыве с Н. Ф. И.

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.

Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовью сперва,
Ты изменила — бог с тобою!¹

Тема измены и неизбежной разлуки составляет содержание еще одного стихотворения, относящегося к 1831 году, в заглавии которого снова стоит посвящение «К***»:

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила².

При внимательном чтении лирики 1831 года видно, что Лермонтов продолжал жестоко страдать от любви и ревности.

Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты,—

пишет он в стихотворении «Ночь».

Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Все,— только не ее обман³.

Глубокое и чистое чувство, отравленное горечью несбывшихся надежд, проходит сквозь длинный ряд стихотворений 1831 года.

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной,—

признается поэт в стихотворении «Я видел тень блаженства»⁴. Действительно, прочитанные в новой связи, стихотворения эти раскрывают целую историю любви. В продолжение 1831—1832 годов Лермонтов постоянно обращается к этому драматическому эпизоду и посвящает ему «Виденье», «К***» («О, не скрывай, ты плакала о нем»), «Стансы» («Не могу на родине томиться»), «Гость. Быль. (Посвящается...)», «К***» («Я не

¹ Лермонтов, т. I, стр. 190.

² Там же, стр. 299.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Там же, стр. 225.

унижусь пред тобою»), «Измученный тоскою и недугом», «Когда последнее мгновенье», «Сонет» («Я памятью живу с увидшими мечтами») и целый ряд других. Получается стихотворный дневник, в котором Лермонтов отмечает основные события этого горестного романа.

Обращаясь в стихотворении, помеченном датой «Сентября 28», все к той же Н. Ф. И., Лермонтов вопрошает ее о своем счастливым сопернике:

Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой? ¹

Около двух лет мучило Лермонтова неразделенное чувство к Н. Ф. И. И только в одном из последних стихотворений, к ней обращенных, он с упреком напомнил ей о своих «лучших годах», которыми ради нее жертвовал.

Стихотворениями, написанными весной 1832 года, заканчивается история юношеской любви, вдохновившей Лермонтова на создание этого «лирического дневника», посвященного неведомой нам Н. Ф. И.

История отношений с ней оказывается, таким образом, одной из центральных тем лирики 1831—1832 годов.

3

Начало этого цикла находится в так называемой XI лермонтовской тетради, которую поэт стал заполнять в июле. А к этому же времени относится «романтическая драма» Лермонтова — «Станный человек». На обложке ее чернового автографа выставлена дата «1831 года. Кончена 17 июля. Москва».

Конфликт, положенный в основу этой драмы, совпадает с историей увлечения Лермонтова и совершенно так же кончается изменой. Лермонтов изобразил в пьесе девушку — Наталью Федоровну Загорскину, которая предпочла молодому поэту Арбенину его друга (в драме он назван Белинским). В одной из сцен студент Зарудский читает стихотворения Арбенина, посвященные Наталье Федоровне Загорскиной. Это как раз те самые стихи, которые Лермонтов посвятил Н. Ф. И.

¹ Лермонтов, т. I, стр. 214.

В черновом варианте пьесы находится стихотворение «Когда я унесу в чужбину», в отдельном автографе известное под названием «Романс к И.». Все это невольно наводит на мысль, что сходство инициалов Н. Ф. И. с именем Натальи Федоровны Загорскиной не случайно. В предисловии к «Странному человеку» Лермонтов пишет: «Я решился изложить драматически происшествие истинное, которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет. Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны...» ¹

Таким образом, не остается сомнений, что в 1831 году Лермонтов пережил трагедию, связанную с девушкой, образ которой он воссоздал потом в своей «романтической драме». Предисловие к драме как бы обязывает узнать ее имя и ввести в биографию Лермонтова новое важное лицо. Ибо вывод, добытый путем исключительно литературного анализа, еще не может служить материалом для биографии, пока он не подтвержден фактами нелитературного порядка. Используя литературное произведение в качестве прямого источника для биографии, исследователь неизбежно попадает в порочный круг и часто оказывается в положении П. А. Висковатова, который в целом ряде случаев строил комментарий к произведениям Лермонтова не на фактах его реальной биографии, а на основе биографических догадок, извлеченных из тех же самых произведений.

Исследователи уже прежде отмечали совпадение между циклом 1831 года и текстом «Странного человека» ². Но для того, чтобы добыть новые факты, надлежало преодолеть целый ряд трудностей. Начать с того, что вплоть до 1880 года стихотворение «Н. Ф. И...вой» в собраниях сочинений поэта печаталось с измененными инициалами: «М. Ф. М...вой», а «Романс к И.» с 1843 года по 1910 год перепечатывался без начальной буквы посвящения: просто «Романс к***».

Буквами «М. Ф. М...вой» стихотворение озаглавил Дудышкин, впервые опубликовавший его в 1859 году ³. Подлинная рукопись Лермонтова с посвящением Н. Ф. И...вой находилась при этом в его руках. Инициалы Дудышкин переменил не по собственной прихоти, а выполняя, очевидно, просьбу какого-то заинтересованного в этом лица. Следовательно, он знал, к кому

¹ Лермонтов, т. V, стр. 205.

² Б. В. Неймай, Одна из воспетых Лермонтовым, «Русский библиофил», 1916, кн. 8-я, стр. 61—70.

³ С. Дудышкин, Ученические тетради Лермонтова, «Отечественные записки», 1859, кн. XI, стр. 250.

обращены стихи, то есть знал имя, отчество, фамилию Н. Ф. И...вой. Может быть, даже знал ее лично. Однако, вместо того чтобы напечатать ее имя полностью, Дудышкин нашел нужным еще крепче зашифровать его. Вероятно, об этом позаботилась сама Н. Ф. И. или кто-нибудь из ее близких, для того чтобы никто не мог угадать имени той, которая когда-то вызвала в Лермонтове такое истинное и сильное чувство.

В то время как Е. А. Сушкова публиковала «Записки», в которых с увлечением рассказывала о знакомстве с Лермонтовым и о своей отвергнутой им любви, Н. Ф. И., сама так равнодушно покинувшая поэта, тридцать лет спустя старательно вытравляла из его биографии свое имя, чтобы будущие комментаторы «Странного человека» не смогли расшифровать его. Что побуждало ее к этому?

В строфе большого стихотворения, озаглавленного датой «1831-го, июня 11 дня», Лермонтов, обращаясь к ней, писал:

Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?¹

Но для того, чтобы повторять название, надо знать это название. Иначе говоря, биограф должен был разгадать инициалы Н. Ф. И. и собрать о ней новые факты.

4

Из лермонтовских писем 1831 года до нас дошло только одно. Оно датировано 7 июня и адресовано Николаю Поливанову, другу, уехавшему на лето из Москвы в деревню.

«Я теперь сумасшедший совсем», — пишет Лермонтов. Сообщая далее Поливанову о предстоящей свадьбе его кузины Лужиной, он посылает к черту все свадебные пиры и восклицает: «Мне теперь не до подробностей... я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. — Source intarissable (неиссякаемый источник. — И. А.). — Много со мной было; прощай...»²

¹ Лермонтов, т. I, стр. 178.

² Там же, т. VI, стр. 408—409.

Письмо состоит всего из нескольких строчек и представляет собой приписку к письму их общего друга Владимира Шеншина, который, сообщая Поливанову московские новости, между прочим упоминает: «Мне здесь очень душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался (он был в вашем соседстве, у Ивановых), меня утешает своею беседою».

Итак: в первых числах июня Лермонтов гостил у Ивановых, к семье которых, может быть, принадлежала Н. Ф. И. — Н. Ф. ...Иванова? «Пять дней не видался», — следовательно, Ивановы эти жили недалеко от Москвы.

Это предположение поддерживается текстом одного из стихотворений Арбенина в черновой редакции «Странного человека»:

На берегу другом давно знакомый
Чернеет дом, в одном окне свеча
И чья-то тень проходит — может быть,
Она? ..
.....
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма¹.

Клязьма протекает недалеко от Москвы. Еще точнее: в пяти верстах от столыпинского Середникова, где Лермонтов гостил каждое лето в 1829—1831 годах.

Обратимся снова к тексту «Странного человека».

Если верить предисловию и видеть в драме изложение «истинного происшествия», допустим, в качестве рабочей гипотезы, что в лице Н. Ф. Загорскиной черты Н. Ф. И. и факты ее биографии воспроизведены очень точно.

В этом случае допустим также:

1) Что если в драме указано, что Загорскиной восемнадцать лет, то в 1831 году восемнадцать лет было и Н. Ф. Ивановой.

2) Что если в драме упомянута сестра Загорскиной, то сестра была и у Ивановой.

3) Что если в «Странном человеке» оговорено, что у Загорскиной нет отца (реплика Белинского: «их две сестры, отца нет»), то отец Н. Ф. Ивановой действительно умер до описываемых событий, то есть до 1831 года.

¹ Лермонтов, изд. «Academia», т. I, стр. 499.

Если же все эти сопоставления правильны, то надо найти такого Федора Иванова, который, так сказать, годился бы ей в отцы. Из текста пьесы о нем известно не много: умер до 1831 года (но не раньше 1813 года — предполагаемого года рождения Натальи Федоровны). У него две дочери.

С этого надо было начинать поиски нового материала.

5

Федор Федорович Иванов родился в 1777 году, а умер 31 августа 1816 года. Судя по этим датам, Н. Ф. И. могла быть его дочерью. Известный в свое время драматический писатель, автор популярной пьесы «Семейство Старичковых» и трагедии «Марфа Посадница»¹, он состоял членом Московского общества любителей российской словесности и был особенно дружен с А. Ф. Мерзляковым и Ф. Ф. Кокошкиным, а также с актерами Померанцевым, Плавильщиковым и Шушериным. Он устраивал в своем доме литературные вечера, на которых, кроме его задушевных друзей, появлялись В. Л. Пушкин, А. Ф. Воейков, кн. И. М. Долгорукий, П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков и где проводили время «весело, с пользой и с чашкою в руках»². Иванов слыл по Москве занимательным собеседником, весельчаком и записным театралом и сам нередко участвовал в любительских спектаклях на домашнем театре князя С. С. Апраксина³. Здесь в начале 1814 года исполнялся гимн сочинения Ф. Ф. Иванова, посвященный памяти Кутузова; он получил распространение и бытовал вплоть до 30-х годов.

В том же 1814 году широкое распространение получила солдатская песня неизвестного сочинителя «В память князя Кутузова-Смоленского», снабженная в печати, вместо подписи автора, указанием на село Загорье, где она была сочинена. Не трудно допустить, что автором этой песни был тот же Ф. Ф. Иванов. И не отсюда ли произвел Лермонтов в своем «Странном человеке» фамилию Наташи Загорскиной?⁴

¹ «Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова», в 4-х частях, М. 1824.

² «Биография А. И. Кошелева», т. I, кн. 2-я, М. 1889, стр. 271.

³ К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, т. III, изданы П. Н. Батюшковым, СПб. 1886, стр. 674—675.

⁴ «Песни, собранные П. В. Киреевским...», М. 1874, вып. 10, стр. 167 и 184.

Иванов был женат на сестре А. И. Кошелева — Екатерине Ивановне. У них были дети, ибо, по свидетельству Мерзлякова, Иванов оставил в «неутешной печали» супругу... «с двумя милыми малютками»¹, — очевидно, с Н. Ф. И. и ее сестрой. Первой из них в 1816 году, по изложенным выше расчетам, должно было быть около трех лет. Вот и все! Таким образом, изучение биографии Ф. Ф. Иванова помогло установить только то, что у Иванова было двое детей лермонтовского возраста, другими словами — что Н. Ф. И. могла быть его дочерью². Могла быть, но была ли? Никаких сведений в подтверждение этого отыскать мне не удалось.

Не трудно допустить, однако, что в начале 1830-х годов Н. Ф. И. вышла замуж. Тогда ее следовало разыскивать в дальнейшем уже под какой-то другой фамилией. Но прежде надо было узнать: была ли она замужем? А если была, то за кем? Оставалось одно: установить по родословным книгам, кто в XIX веке женился на Ивановых.

Наталью Федоровну Иванову я отыскал в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий», составленном В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым. Она оказалась женой Николая Михайловича Обрескова. О нем в родословии сказано: «Поручик, за «постыдный офицерскому званию поступок» разжалован (30 мая 1826 года) и лишен дворянского достоинства; уволен из военной службы 14-м классом в 1833 году; в гражданской службе с 1836, титулярный советник (28 декабря 1843 года); 14 февраля 1846 года возвращены ему права потомственного дворянства, надв. советник (1857)»³.

Ни в «Алфавите декабристов», ни в «Некрополях», ни в картотеке Б. Л. Модзалевского — нигде имени Н. М. Обрескова нет. Зато в «Московском Некрополе» находим имя Обресковой Натальи Федоровны, которая скончалась 20 января 1875 года на шестьдесят втором году от рождения и погребена на Ваганьковском кладбище⁴.

¹ «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. 7-я, М. 1817, стр. 119.

² Имя Ф. Ф. Иванова в этой связи, неизвестно на основании каких данных, в осторожной, гадательной форме называл В. В. Каллаш («Иллюстрированное полное собрание сочинений Лермонтова», т. I, изд. «Печатник», М. 1914, стр. 272). Гораздо решительнее, ссылаясь на автора настоящей работы, заявил об этом Б. М. Эйхенбаум («Литературная учеба», 1935, № 6, стр. 29).

³ В. В. Р у м м е л ь и В. В. Г о л у б ц о в, Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб. 1887, стр. 192, № 47.

⁴ «Московский Некрополь», т. II, СПб. 1908, стр. 358.

Если в 1875 году ей было около шестидесяти двух лет, значит, она родилась в 1813 году. Вспомнив, что это и есть предположенная нами дата рождения Н. Ф. И., мы уже с большой долей вероятности можем утверждать, что Н. Ф. И. и Наталья Федоровна Обрескова — одно и то же лицо.

Но этого мало.

6

Биография Обрескова не только не помогла уяснить, — она еще больше усложнила и без того трудные розыски. Книжные источники были исчерпаны. Остался последний ход: к ныне покойному Н. П. Чулкову, который своими обширными познаниями в области генеалогии, архивных и историко-бытовых вопросов оказывал важные услуги не одному поколению литературоведов.

Чулков подтверждает:

«Наталья Федоровна — дочь драматурга Ф. Ф. Иванова. В браке с Николаем Михайловичем Обресковым. Их дочь, — продолжает Н. П. Чулков, и здесь внимание мое нарастает, — их дочь состояла в браке с Сергеем Владимировичем Голицыным. Она умерла в 1924 году».

Оказывается, Чулков знал ее лично, знал и дочь ее — Христину Сергеевну Арсеньеву, которая в 1920-х годах жила в Москве, возле Кропоткинских ворот. Даже бывал у них. Где Х. С. Арсеньева в настоящее время — Чулков не знает. Того дома, где она прежде жила, уже нет, он снесен. Надо узнать новый адрес.

Для этих целей существует адресный стол. Но адресный стол гор. Москвы утверждает, что Христина Сергеевна Арсеньева в Москве не живет. Тогда я обращаюсь к Николаю Владимировичу Голицыну, ибо теперь уже сфера поисков расширилась и вiti ведут к Голицыным. Судя по родословной книге¹, Н. В. Голицын — родственник Христины Сергеевны и, может быть, знает ее адрес.

К сожалению, он знает другое: Христина Сергеевна умерла. У нее были сестры — другие внучки Н. Ф. Ивановой, но о них у Голицына нет никаких сведений. Сведения, очевидно, может дать племянник мужа Х. С. Арсеньевой — Сергей

¹ «Род князей Голицыных». Составил князь Н. Н. Голицын, СПб. 1892, стр. 229 и 230.

Иванович Арсеньев, адрес которого следует узнать в адресном столе.

Наконец, в семье С. И. Арсеньева мне сообщают новые данные: в Москве живет сестра Христины Сергеевны Арсеньевой — Наталья Сергеевна Маклакова. Стоит только зайти в адресный стол.

7

Зубовский бульвар, 12, кв. 1.

Несколько ступенек в маленьком двухэтажном домике.

Я постучал. Дверь отворила седая высокая женщина.

— Можно ли видеть Наталью Сергеевну Маклакову?

— Вы ко мне? — переспрашивает она меня.

— Я через адресный стол узнал ваш адрес, — говорю я ей, — я занимаюсь Лермонтовым и хотел бы расспросить вас...

— Ах, наверное, я ничем не смогу быть вам полезной, — с сожалением произносит она. — Вас, вероятно, интересуют стихотворения Лермонтова, которые он посвящал бабушке? Но ведь их нет! Их уже давно уничтожил мой дед — Николай Михайлович Обресков. У нас ничего не осталось.

Наталья Сергеевна Маклакова не догадывалась, очевидно, какое важное сообщение содержалось для меня в этом ее ответе. Эта фраза подтверждала автобиографическую точность «Странного человека», вводила новое лицо в близкое окружение Лермонтова, оправдывала, наконец, долгие поиски.

Наталья Сергеевна припомнила все, что слышала от матери и от дяди.

«Что Михаил Юрьевич Лермонтов был влюблен в мою бабушку — Наталью Федоровну Обрескову, урожденную Иванову, я неоднократно слышала от моей матери Натальи Николаевны и еще чаще от ее брата Дмитрия Николаевича и его жены, — рассказывала Маклакова. — У нас в семье известно, что у Натальи Федоровны хранилась шкатулка с письмами М. Ю. Лермонтова и его посвященными ей стихами и что все это было сожжено из ревности ее мужем Николаем Михайловичем Обресковым. Со слов матери знаю, что Лермонтов и после замужества Натальи Федоровны продолжал бывать в ее доме. Это и послужило причиной гибели шкатулки. Слышала также, что драма Лермонтова «Станный человек» относится к его знакомству с Н. Ф. Ивановой. Почему имя Ивановой никогда не было раскрыто в собраниях стихотворений Лермонтова и почему в биографии Лермонтова нет никаких упоминаний о ней — не знаю.

Думаю, что из-за ревности мужа Лермонтов сознательно не обозначал ее имени в своих стихах к ней, тем более что отношение к ней могло компрометировать Наталью Федоровну. У нас в семье всегда знали, что Лермонтов был влюблен в бабушку, но не могу сказать, отвечала ли она ему взаимностью или нет. У Н. Ф. была сестра — Дарья Федоровна, которая вышла замуж за Островского Бориса Дмитриевича. Биографию своего деда Николая Михайловича Обрескова я совсем не знаю. Знаю только, что поместья его были в Новгородской губернии, где в старости он, кажется, был предводителем дворянства. Обресковы жили много за границей. Мать моя Наталья Николаевна воспитывалась в Женеве¹.

Это рассказ Н. С. Маклаковой, собственноручно ею записанный.

8

Со старинной фотографии вполоборота смотрит на нас полная пятидесятилетняя барыня в нарядном чепце и шубе. Черты ее еще хранят гордое и спокойное выражение, очевидно, прекрасного когда-то лица. Это фотография Натальи Федоровны Обресковой, на которой она снята вместе со своей шестнадцатилетней дочерью Натальей Николаевной.

На другой фотографии — Н. М. Обресков, представительный старик в бакенбардах, с умными глазами, с выпяченной нижней губой, которая сообщает его лицу выражение брезгливое и высокомерное. Оба эти портрета, сохранившиеся в семейном архиве Н. С. Маклаковой, относятся, по ее расчетам, к 1864 году.

Но Н. С. Маклакова обещает мне съездить за вещами покойной своей сестры. Вещи находятся под Москвой. Быть может, в сундуках Христины Сергеевны сохранились какие-нибудь семейные реликвии: старинный альбом, связка писем, дневник! Наталья Сергеевна долго собирается. Но наконец вещи привезены, распакованы. Среди них обнаруживаются два портрета в старинных кожаных рамках. Это карандашные, процарапанные иглой изображения, подписанные именем известного рисовальщика 30-х годов В. Ф. Бинемана². На обороте

¹ И. Андроникашвили, К биографии М. Ю. Лермонтова. «Труды Тифлисского государственного университета», 1936, вып. 1, стр. 205—207.

² С. Н. Кондаков, Список русских художников. К юбилейному справочнику Академии художеств (1764—1914), СПб. 1914, стр. 17.

одного из портретов — надпись: «Николай Михайлович Обресков». На обороте другого: «Наталья Феодоровна Обрескова, рожденная Иванова».

Молодое лицо ее очаровательно: черты благородны, в уголках красивого рта спрятана любезная улыбка, спокойный взгляд загадочен. Высокая прическа, полнота покатых обнаженных плеч, тонкая шея, украшенная тяжелым ожерельем, — весь внешний облик ее как бы комментирует лермонтовские строчки о ней:

С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна¹.

В другой желтой кожаной рамке — изображение Н. М. Обрескова. Здесь он еще молод и красив. Лицо окружено кудрявыми бачками, в петлице фрака орден: крест на полосатой ленте, — очевидно, георгиевский. Итак, Обресков награжден. Когда и за что?

Ответ на это, после долгих поисков, удалось найти в материалах, содержащихся в «Военно-судном деле над поручиком Арзамасского конно-егерского полка Обресковым»² и в «Деле о дворянстве рода Обресковых»³. Вот история Николая Обрескова, как она отражена в его формулярных списках.

Николай Михайлович Обресков, сын генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Обрескова, родился в 1802 году в Петербурге и восьмью лет был отдан в Пажеский корпус. В 1819 году он вступил корнетом в лейб-кирасирский ее величества полк, из которого через два года переведен в Арзамасский конно-егерский. В 20-х годах этот полк квартировал в Нижнедевицке, недалеко от Воронежа, и офицеры часто бывали званы на балы воронежского гражданского губернатора Николая Ивановича Кривцова, женатого на красавице Елизавете Федоровне Вадковской. Обресков считался с нею в близком родстве. В губернаторской гостиной его встречали как своего.

В один из июньских дней 1825 года полковой командир полковник Бердяев получил неприятное уведомление. По

¹ Лермонтов, т. II, стр. 25.

² Ленинградское отделение Центрального военно-исторического архива. Генерал-аудиториат 1-й армии. 1826, «Дело № 26 судное Арзамасского конно-егерского полка о поручике Обрескове. Начато октябри 26 дня. Кончено ноября 16 дня 1825 г.». Ныне в ЦГВИА.

³ ЦГИА СССР. «Правительствующего Сената департамента Герольдии дело о дворянском происхождении Обресковых, № 2064. Начато 6 ноября 1847 г. Решено Сенатом 7 мая 1848 г.».

окончании последнего бала, на котором присутствовали и офицеры его полка, губернатор обнаружил, что из спальни его супруги похищены золотая табакерка, изумрудный, осыпанный бриллиантами фермуар и двадцать три нитки жемчуга.

На полковое знамя пала позорная тень.

Вскоре нечаянно все вещи были замечены у Обрескова, который сознался в их похищении. Военный суд лишил его прав состояния и разжаловал в рядовые, с написанием в Переяславский конно-егерский полк¹. Из Переяславского полка Обрескова в 1829 году перевели, по-прежнему рядовым, в Нижегородский драгунский полк, который в то время делал турецкую кампанию. Обресков побывал в походах, отличился и был награжден знаком военного ордена, с которым и изображен на портрете.

В 1833 году, получив «высочайшее прощение», Обресков был уволен от службы с чином 14-го класса. В 1836 году он определился на службу в канцелярию курского гражданского губернатора. В это время, как гласит его формулярный список, он уже состоял в браке с «дворянкой Натальей Федоровной Ивановой»². Следовательно, она вышла замуж между 1833 и 1836 годом, ибо до 1833 года Обресков тянул солдатскую лямку.

В Курске, постепенно повышаясь в чинах, Обресков прослужил до 1841 года и перевелся в канцелярию губернатора харьковского. Дальнейшая его судьба, не представляющая для нас особого интереса, сводилась, кроме движения на поприще служебном, к заботам о восстановлении в дворянском звании сперва себя самого, а затем своего потомства.

Умер он в 1866 году, в шестидесятичетырехлетнем возрасте³, в своем новгородском поместье Боровичи, дослужившись до чина надворного советника. В последние годы жизни он на два трехлетия выбирался в предводители дворянства по Демянскому уезду⁴.

Почему Наталья Федоровна Иванова, обращавшая на себя внимание в московском светском кругу, вышла замуж за этого

¹ «Книга высочайших приказов за 1826 год», стр. 515.

² ЦГИА СССР. «Дело о дворянском происхождении Обресковых», № 2064. Формулярный список о службе.

³ П. П. Г о л и ц ы н, Список дворянских родов Новгородской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу с 1787 по 1 января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства с 1767 года, Новгород, 1910, стр. 324.

⁴ Там же, стр. XXVII.

опозоренного человека, для которого были закрыты пути служебного и общественного преуспевания, этого мы, очевидно, никогда не узнаем. Полюбила? А может быть, потому, что у него в Тверской и в Новгородской губерниях насчитывалось около семисот пятидесяти крепостных душ, и он считался состоятельным человеком?

9

Итак, дальнейшие розыски следовало посвятить изучению семьи Ивановых и круга их ближайшей родни.

Мать Н. Ф. Ивановой, Екатерина Ивановна, после смерти Ф. Ф. Иванова, вступила в брак с Михаилом Николаевичем Чарторижским. От этого брака родилась дочь Софья, вышедшая впоследствии за Федора Валерьяновича Панина. Наталья Федоровна Ивановой Софья Михайловна Чарторижская по материнской линии приходилась родной сестрой. Одна тетка Н. Ф. Ивановой состояла в браке со Свечиным, другая — с кн. Горчаковым. Таким образом, кроме Обресковых, надо было обследовать фамилии Паниных, Горчаковых, Свечиных, Кошелевых, но прежде всего Чарторижских¹.

Михаил Николаевич Чарторижский не оставил по себе решительно никаких следов. Хуже того: Наталья Сергеевна Маклакова не знает в Москве ни одного Чарторижского. В московском адресном столе Чарторижские тоже не числятся. Наталья Сергеевна вообще ничего не может сказать мне об этой фамилии. Ей смутно помнится: словно бабка некоей Нины Михайловны Анненковой из рода Чарторижских. С Анненковой Маклакова знакома со времен незапамятных. Еще их матери были знакомы между собой. А может быть, даже и бабки! Нина Михайловна Анненкова живет как раз напротив дома Маклаковой — Zubовский бульвар, 15, в квартире Анатолия Михайловича Фокина. Маклакова знакома и с ним и предлагает мне обратиться к нему от ее имени.

Увы, Нина Михайловна Анненкова не помнит о своей бабке решительно ничего. Поиск можно считать неудавшимся. Поэтому, очевидно желая меня вознаградить как-нибудь, Анатолий Михайлович Фокин на прощание предлагает мне просмотреть

¹ Сведения получены мною от Н. С. Маклаковой и Н. П. Чулкова. Ср. также «Биография Александра Ивановича Кошелева», т. I, кн. 2-я, стр. 270.

альбом 1870-х годов, принадлежащий его жене Марии Марковне. В альбоме этом содержится неопубликованный автограф Апухтина.

Действительно, на первой странице альбома находится неопубликованное стихотворение А. Н. Апухтина «Марии Дмитриевне Жедринской», датированное 2 августа 1873 года. Альбом и принадлежал вдохновительнице этого апухтинского стихотворения. Мария Дмитриевна Жедринская, урожденная Клушина, была женой курского гражданского губернатора А. Н. Жедринского. Их сын — Николай Александрович Жедринский — женился на Нине Егоровне Старицкой. Сестра ее — Анна Егоровна Старицкая, в замужестве Любоцинская, — мать Марии Марковны Фокиной. А Мария Марковна Фокина решила передать доставшийся ей по наследству альбом Государственному литературному музею¹.

За исключением апухтинского автографа, остальные стихи этого альбома, по словам А. М. Фокина, никакого музейного интереса не представляют. Аккуратным почерком, очевидно просто из книг или очередных номеров журналов, М. Д. Жедринская вписывала в свой альбом широко известные тексты Пушкина, Баратынского, Некрасова, Майкова, Фета, Тютчева, Огарева, Мея, Алексея Толстого, Голенищева-Кутузова, Тургенева, делала выписки из Шатобриана, из Ламартина, Гюго, Беранже, Барбье, Гейне. Сверх того, в альбоме имеются стихотворения малоизвестных поэтов — Сербеева, Терешкевича, Мих. Стаховича и Н. Жедринского.

И вдруг среди всех этих, аккуратно вписанных Жедринской стихотворений я вижу так же аккуратно вписанные посвящения:

В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть,
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

1832

М. Ю. Лермонтов

¹ Приобретенный Государственным литературным музеем из собрания М. М. Фокиной альбом М. Д. Жедринской, на 45 л., в синем бархатном переплете с монограммой «М. Г.», ныне находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, ф. 276. Стихотворения Лермонтова на лл. 38, 38 об. и 39.

В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

1832

М. Ю. Лермонтов

За посвящениями следует третье стихотворение Лермонтова:

СТАНСЫ

Мгновенно пробежав умом
Всю цень того, что прежде было,—
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

* * *

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.

* * *

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

* * *

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула,
И бывший все мне на земле,
Как все земное, обманула.

1831

М. Ю. Лермонтов

Кроме этих, в ту пору еще никому не известных стихотворений Лермонтова, в альбоме М. Д. Жедринской заключалось стихотворение «На севере диком». Но в нем нет никаких разночтений с печатным текстом, и в данном случае оно никакого интереса для нас не представляет.

Итак, поиски привели к литературной находке. Однако достаточно ли оснований для того, чтобы считать вписанные неизвестной рукой в альбом 70-х годов стихотворения действительно лермонтовскими?

Конечно, если бы мы ничего не знали ни о Наталье, ни о Дарье Ивановых, уверенность в принадлежности Лермонтову этих стихотворений, естественно, была бы меньшей. Теперь же обнаруженные в альбоме М. Д. Жедринской посвящения Н. Ф. и Д. Ф. Ивановым не вызывают никакого недоумения. Наоборот, они представляют собою новое и самое убедительное доказательство того, что в 1830—1832 годах Лермонтов бывал в семье Ивановых и что лирический цикл, связанный с трагедией «Станный человек», явился следствием увлечения поэта Натальей Федоровной. Мы знаем теперь, что Лермонтов не только мог посвятить Н. Ф. Ивановой свои вдохновения, но что он их ей действительно посвящал.

В том, что стихотворения обнаружены в альбоме жены курского губернатора, также нет ничего неожиданного. Как уже сказано, в 1836—1841 годах Обресковы жили в Курске, где Николай Михайлович служил в канцелярии гражданского губернатора. Однако имеются еще более веские аргументы. Со слов Н. С. Маклаковой известно, что Дарья Федоровна Иванова-Островская жила в Курске в продолжение всей своей жизни, после выхода замуж, и умерла в этом городе в 1872 году. В Курске родились и выросли ее дочери — Анна и Екатерина Борисовны. Таким образом, семьи Обресковых и Островских в 1830—1870-х годах были прочно связаны с Курском. Не удивительно поэтому, что стихотворения великого поэта, собственноручно вписанные им в альбомы сестер Ивановых, охотно переписывались их курскими знакомыми и в результате украсили альбом курской губернаторши.

Возможно, что, уничтожив ненавистную ему шкатулку, в которой хранились листки со стихотворными посланиями Лермонтова, Обресков позабыл об альбоме, куда Лермонтов вписал одно из своих прощальных обращений к Наталье Федоровне, и оно, таким образом, уцелело. Во всяком случае, это стихотворение было хорошо известно Дарье Федоровне и текст его М. Д. Жедринская могла получить от членов ее семьи. Что же касается альбома самой Дарьи Федоровны, то у нас нет никаких решительно оснований считать, что он подвергся уничтожению. Поэтому, хотя вполне допустимо, что все стихи,

Из альбома Д. Ф. Ивановой.

Когда судьба тебя занесет обмануть
И мир оставит сердце твое —
Ты забудь на этот миг вздохнуть,
И думай: тот, кто нас страдал и груб,
Не оставит, не изменит.

1832.

М. Ю. Лермонтов.

Из альбома Н. Ф. Ивановой.

Еще столько краткое свиданье
Мне бы хотелось провести,
Заснеженные раздвигая
Ресторан, и я кажу: прощай.

И отныне будущим, отныне прошлым
И любовь твою бросаю для тебя,
Как сон. Делителю, не забывай
Каждый из нас и каждого я.

1832.

М. Ю. Лермонтов.

Копии стихотворений «В альбом Д. Ф. Ивановой» и «В альбом Н. Ф. Ивановой» в альбоме М. Д. Жедринской

обнаруженные в альбоме Жедринской, переписывались непосредственно с автографов Лермонтова, все-таки вернее всего, что источником послужил для Жедринской альбом Дарьи Федоровны Островской.

Однако наиболее убедительное доказательство принадлежности Лермонтову стихов из альбома Жедринской заключается в тексте третьего стихотворения. Ибо десять строк вновь найденных «Стансов» совершенно совпадают с другими «Стансами», автограф которых находится в VI лермонтовской тетради, хранящейся в Институте литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Известные нам по этому автографу «Стансы» датированы 1830 годом, под «Стансами» в альбоме Жедринской выставлен 1831 год. Однако в этом нет никакого противоречия. Обнаруженные нами «Стансы» на три строфы короче известных прежде и по всем признакам представляют собой их окончательную редакцию.

СТАНСЫ

1830

*Я не крушуся о былом.
Оно меня не уладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!—*

*Как настоящее оно
Страстями чудными обито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест, в степи забытый! —*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

*Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.*

*Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.*

*На светлый запад удалюсь;
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь
— Никто о мне не пожалеет!..*

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и providенье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

СТАНСЫ

1831

*Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не уладило.*

* * *

*Как настоящее, оно
Страстями бурными обито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест, в степи забытый.*

* * *

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

* * *

*Как метеор в вечерней мгле
Она очам моим блеснула,
И бывши все мне на земле,
Как все земное обманула.*

Это сопоставление, несомненно, говорит в пользу принадлежности Лермонтову стихотворений из альбома Жедринской, а кстати и о достоверности самих копий. Сверив с печатными источниками стихотворения других авторов, я убедился, что тексты, заключенные в этом альбоме, переписаны весьма точно.

Все это, вместе взятое, дает нам право с полным основанием приобщить к лирическому циклу 1831—1832 годов три новых стихотворения.

11

Инициалы Н. Ф. И. оставались нераскрытыми в продолжение целого столетия не только потому, что семья Обресковых, по словам Н. С. Маклаковой, «не сочувствовала» упоминанию ее имени в печати, но главным образом оттого, что А. П. Шан-Гирей

и П. А. Висковатов не оставили для Ивановой места в биографии Лермонтова, связав всю лирику 1831—1832 годов с именем Варвары Александровны Лопухиной.

«Открытие» Ивановой, естественно, повлекло за собой переадресацию юношеских лирических посланий.

Сразу же, после первых сообщений о ходе работы над загадкою Н. Ф. И.¹, в полном собрании сочинений Лермонтова, выходявшем в издательстве «Academia», появилось имя Н. Ф. Ивановой, и стихотворения 1831—1832 годов, которые прежние редакторы относили к Лопухиной, составили новый, обширный цикл².

Кроме стихотворений, озаглавленных инициалами Н. Ф. Ивановой: «Н. Ф. И...вой», «Романс к И.», «К Н. И.», «Н. Ф. И.», к ней же, безусловно, относятся еще тридцать одно стихотворение: «Я видел раз ее в веселом вихре бала...» (1830), строфа восьмая в стихотворении «1831-го июня 11 дня», «Видение», «11 июля» (1831), «Не ты, но судьба виновата была...», «Ночь», «Душа моя должна прожить в земной неволе...», «Пускай поэта обвиняет...», «Вечер», «Стансы. (Не могу на родине томиться...)», «Гость», «*** (Сижусь в комнате старинной)», «К*** (Всевышний произнес свой приговор...)», «Сентября 28», «К*** (Не верь хвалам и увереньям...)», «Я видел тень блаженства...», «К*** (О, не скрывай! ты плакала об нем...)», «К*** (Ты слишком для невинности мила...)», «Настанет день — и миром осужденный...», «Сижуэт», «Раскаянье», «*** (Она была прекрасна, как мечта...)» (1832), «Время сердцу быть в покое...», «К *** (Я не унижусь пред тобою...)», «Как луч зари, как розы Леля...», «Измученный тоскою и недугом...», «Когда последнее мгновенье...», «Сонет (Я памятью живу с увядшими мечтами...)», «Болезнь в груди моей...», «Послушай, быть может...», «К*** (Прости! — мы не встретимся боле...)». О ней же идет речь в стихотворениях «Стансы (К Д.)», «К себе», «7 августа», в посвящении «Последнего сына вольности».

¹ И. Андроникашвили, К биографии М. Ю. Лермонтова, «Труды Тифлиского государственного университета», 1936, вып. I, стр. 205—207.

² Лермонтов, «Academia», т. I, стр. 439 и другие комментарии. Ср. Лермонтов, Стихотворения, т. I, редакция Б. М. Эйхенбаума («Библиотека поэта»), «Советский писатель», Л. 1940, стр. 298.

³ Лермонтов, «Academia», т. I, стр. 261, 173, 200, 281, 294, 296, 299, 301, 304, 315, 320, 184, 186, 211, 213, 223, 225, 226, 240, 247, 257, 330, 331, 338, 340, 348, 349, 353, 354, 357, 369, и три стихотворения, опубликованные в этой работе. Кроме того: т. I, стр. 229, 298, 193; т. III, стр. 111.

Отнесение к Ивановой такого большого числа стихотворений вызвало, в свою очередь, появление новой работы, в которой сделана попытка ограничить значение вновь открытого эпизода, так же как и число обращенных к Ивановой стихотворений¹. Датируя окончание романа с Ивановой и начало увлечения Лермонтова Лопухиной сентябрем — декабрем 1831 года, автор этой работы — В. Л. Комарович — предложил часть стихотворений переадресовать обратно В. А. Лопухиной².

Между тем этому препятствует как хронология лермонтовских стихотворений, написанных в IV тетради в начале 1832 года и безусловно обращенных к Ивановой, так и вновь найденное посвящение «В альбом Н. Ф. Ивановой» (1832).

Мы можем с полным основанием считать, что лирические посвящения Лермонтова, создававшиеся в продолжение всего 1831 и в начале 1832 года, обращены к Ивановой либо, даже адресованные другим лицам («К Д.», «Кн. Л. Г-ой»), касаются той же самой драматической встречи.

К началу, а вернее всего — к ранней весне, 1832 года относится большое прощальное послание «К ***», в котором как бы подведен итог этому мучительному и напряженному чувству. С горестным упреком обратился на прощание поэт к еще недавно любимой им девушке:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободен
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец?

¹ В. Л. Комарович, Автобиографическая основа «Маскарада», «Литературное наследство», № 43—44, М. 1941, стр. 638—658.

² Там же, стр. 648.

Зачем ты не была сначала,
 Какою стала наконец!
 Я горд!.. прости! люби другого,
 Мечтай любовь найти в другом;
 Чего б то ни было земного
 Я не соделаюсь рабом.
 К чужим горам, под небо юга
 Я удалюсь, может быть;
 Но слишком знаем мы друг друга,
 Чтобы друг друга позабыть.
 Отыгне стану наслаждаться
 И в страсти стану клясться всем;
 Со всеми буду я смеяться,
 А плакать не хочу ни с кем;
 Начну обманывать безбожно,
 Чтоб не любить, как я любил,—
 Иль женщин уважать возможно,
 Когда мне ангел изменил?
 Я был готов на смерть и муку
 И целый мир на битву звать,
 Чтобы твою младую руку —
 Безумец! — лишний раз пожать!—
 Не зная коварную измену,
 Тебе я душу отдавал;
 Такой души ты знала ль цену? —
 Ты знала: — я тебя не знал!¹

Возвышенная любовь, ирония над пережитыми чувствами, гордое самоутверждение, мучительное воспоминание о своей неразделенной любви выражены Лермонтовым в этом стихотворении с такой силой, с таким сознанием своего великого поэтического предназначения, что послание «К***» невольно останавливает внимание всякого, кто берет в руки томик юношеских стихотворений Лермонтова. И нельзя не согласиться с исследователем, что для биографии поэта оно представляет собою документ первостепенного значения².

Но более широкое значение приобретает теперь весь цикл зашифрованных и безыменных стихотворных обращений к Ивановой, представляющий собою интимный лирический дневник юного Лермонтова.

Теперь уже ясно, что нет никаких оснований зачислять эти юношеские стихи Лермонтова в разряд отвлеченных литературных упражнений в байроническом духе. В свете новых фактов они приобретают новый, совершенно конкретный смысл.

¹ Лермонтов, т. II, стр. 21—22.

² Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов. Биография. 1814—1832, т. I, Гослитиздат, М. 1945, стр. 407.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фронтиспис. М. Ю. Лермонтов в стуртуке лейб-гвардии Гродненского полка (1838). С портрета работы неизвестного художника. Из коллекции В. К. Вульфберга. Масло. Государственный Литературный музей. Москва.

В ТЕКСТЕ

Стр. 29. Черновой автограф «Смерти Поэта» с профилем Л. В. Дубельта. ЦГАЛИ СССР. Москва.

Стр. 35. Первая страница «Объяснения губернского секретаря Раевского о связи его с Лермонтовым и о происхождении стихов на смерть Пушкина». Копии из «Дела о неправомерных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым и о распространении их губернским секретарем Раевским». Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

Стр. 43. Первая страница «Объяснения» М. Ю. Лермонтова по делу о стихах «На смерть Пушкина». Копия из «Дела о неправомерных стихах...». Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

Стр. 47. Беловой автограф «Смерти Поэта» (без заключительных строк). С пометой В. Ф. Одоевского. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.

Стр. 111. Рисунки Лермонтова на рукописи «Вадима». Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

Стр. 137. Копии стихотворений Лермонтова «В альбом Д. Ф. Ивановой» и «В альбом Н. Ф. Ивановой» в альбоме М. Д. Жедринской, л. 38. ЦГАЛИ СССР. Москва.

Стр. 199. «Один среди людского шума». Автограф Лермонтова, хранившийся в собрании профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Публикуется впервые.

Стр. 200. Рисунок Лермонтова (перо). Собственность барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен). Публикуется впервые.

Стр. 205. «Гость». Баллада. Репродукция автографа Лермонтова в каталоге аукционной фирмы «Карл унд Фабер» (Мюнхен). Местонахождение оригинала неизвестно.

Стр. 211. Посвящение к поэме «Ангел Смерти». Автограф Лермонтова. Из собрания профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Воспроизводится впервые.

Стр. 213. «К С. С. ...ой». Автограф Лермонтова. Из собрания профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Публикуется впервые.

Стр. 221. Страница письма Е. А. Верещагиной к А. М. Верещагиной от 6 ноября 1838 года со стихотворным экспромтом Лермонтова. Из собрания профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Публикуется впервые.

Стр. 233. «На смерть Пушкина». Автограф Лермонтова. Слова слуги Лопухиных — негра Ахилла, записанные рукою Лермонтова. Из альбома А. М. Верещагиной. Собственность барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен). Публикуется впервые.

Стр. 233. «Баллада» («До рассвета поднявшись, перо очинил...»). Автограф Лермонтова из альбома А. М. Верещагиной. Собственность барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен). Публикуется впервые.

Стр. 237. «Послание» («Катерина, Катерина!..»). Автограф Лермонтова из альбома А. М. Верещагиной. Собственность барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен). Публикуется впервые.

В АЛЬБОМЕ

1. *Пояснения неизвестного современника к тексту «Смерти Поэта»*. Список из собрания Н. С. Дороватовского. Москва.

2. *Штабс-капитан Афанасий Алексеевич Столыпин*. Портрет из книги П. Потоцкого «Столетие гвардейской артиллерии». Государственная Историческая библиотека СССР. Москва.

3. *Полковник Дмитрий Алексеевич Столыпин, «командир батарейной батареи в 1814—1817 годах»*. С портрета неизвестного художника. Масло. Государственный Артиллерийский музей. Ленинград.

4. *Лермонтов — юнкер лейб-гвардии Гусарского полка*. С портрета работы А. Чельшева. Масло. Государственный Литературный музей. Москва.

5. *Н. Ф. Иванова*. Рисунок В. Ф. Биннемана. Карандаш. 30-е годы. Приобретен от Н. С. Маклаковой. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

6. *«Ангел Смерти»*. Обложка. Автограф Лермонтова. Из собрания профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Воспроизводится в том виде, в каком хранилась у А. М. Верещагиной. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Публикуется впервые.

7. *«Ангел Смерти»*. Обложка. Автограф. После реставрации в лаборатории Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Публикуется впервые.

8. *Кавказский вид*. С картины Лермонтова. Масло. Хранилась в собрании профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственный Литературный музей. Москва.

9. *Лермонтов*. Автопортрет. Акварель. 1837—1838. Находился в собрании профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственный Литературный музей. Москва.

10. *Александра Михайловна Верещагина-Хюгель*. С литографии Л. Ноэля. 1838. Из собрания барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен).

11. *Варвара Александровна Лопухина в образе испанской монахини*. Акварель Лермонтова. Находилась в собрании профессора Мартина Винклера (ФРГ, Фельдафинг). Государственный Литературный музей. Москва.

12. *Сражение русских крестьян с французами*. Акварель Лермонтова. Собственность барона доктора Вильгельма фон Кёнига (ФРГ, замок Вартхаузен). Публикуется впервые.

13. *Рисунок Лермонтова*. Карандаш. 1838. Из альбома, принадлежавшего семье Солнцевых. Дом-музей в Лермонтове Пензенской области. Публикуется впервые.

14. *Обложка рукописи В. И. Анненковой. «La vérité, rien que la vérité»*. ЦГАДА СССР. Москва.

15. *Вера Ивановна Анненкова*. С гравюры на дереве Шюблера. Из коллекции С. Н. Шубинского. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

16. *Страница воспоминаний В. И. Анненковой с рассказом о ее знакомстве с Лермонтовым*. ЦГАДА СССР. Москва.

17. *Тамань. Домик над морским обрывом*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

18. *Эльбрус. Вид с Бермамыта*. Картина Лермонтова. Масло. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

19. *Вид Бештау около Железноводска*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Государственный Литературный музей. Москва.

20. *Дарьяльское ущелье возле станции Балта*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

21. *Селение Сиони близ Казбека* (точнее: между Казбеги и Коби). Раскрашенная автолитография Лермонтова. 1838. Снабжена не вполне правильной надписью самого Лермонтова: «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби». Между тем изображенная им гора — не Крестовая, а Кабарджина. Пейзаж представлен в перевернутом виде.

22. *Дарьяльское ущелье и «Замок Тамары»*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

23. *Лезгинка*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

24. *Тифлис. Замок Метежи*. Рисунок Лермонтова. Карандаш. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

25. *Башня в селении Сиони близ Казбека*. Картина Лермонтова. Масло. 1837—1838. Дом-музей в Лермонтове Пензенской области.

26. *Башня в селении Сиони близ Казбеги*. Снимок сделан с той же точки. Кадр из кинофильма «Загадка Н.Ф.И.» (Ленфильм, 1959. Режиссер М. Шапиро. Оператор В. Фастович). Госфильмофонд СССР. Белые Столбы.

27. *Тифлис*. Картина Лермонтова. Масло. 1837. Художественная галерея г. Иваново.

28. *Тбилиси*. Снимок сделан с той же точки. Кадр из кинофильма «Загадка Н. Ф. И.» (Ленфильм, 1959. Режиссер М. Шапиро. Оператор В. Фастович). Госфильмофонд СССР. Белые Столбы.

29. *Развалины близ селения Караагач в Кахети*. Картина Лермонтова. Масло. 1837. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. Ленинград.

30. *Развалины близ селения Караагач в Кахети*. Фото. 1961.

5. Н. Ф. ИВАНОВА

25. Башня в селении Сиони
Картина Лермонтова

26. То же самое место
Кадр из кинофильма

27. Тифлис
Картина Лермонтова

28. То же самое место
Кадр из кинофильма

